

ФИЛОСОФСКИЙ МЕТОД И ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЗНАНИЯ

С.Р. Аблеев

Статья посвящена осмыслению ряда актуальных аспектов современной философии сознания. Рассматривается проблема научной методологии изучения сознания. Существенное внимание уделяется философской семантике термина «сознание», философской редукции, а также применимости рациональной терминологии и метафорического языка в исследованиях сознания. Автор анализирует различные теоретические подходы к осмыслению сознания и приходит к выводу о несостоятельности классического редукционизма.

Ключевые слова: сознание, метод, язык

Проблема сознания принадлежит к числу наиболее фундаментальных проблем современной философии и науки. В XX в. попытки ее разрешения приобретают новую специфику. Во-первых, это расширение поля изучения сознания, которое становится предметом осмысления не только у философов и психологов, но и у представителей других отраслей науки. Во-вторых, это повышение идейной корреляции философии и естествознания. И в-третьих, это развивающийся философский поиск новых подходов к осмыслению природы и механизмов действия сознания.

Что же заставляет современных исследователей искать новые теоретические модели для объяснения сознания? Прежде всего следует отметить нарастающую неудовлетворенность традиционными онтологическими и антропологическими постулатами, характерными для классической и неклассической картин мироздания. Старый теоретический каркас лишает научную мысль необходимых степеней когнитивной свободы, так важной для успешного разрешения накопившихся проблем. Не случайно в XX столетии философы, физики и психологи обращаются к ненаучным формам знания – эзотерической метафизике и религиозно-мистической мысли Востока, в которых некоторые рационалисты стали усматривать немалый эвристический потенциал

и парадоксальную созвучность новейшим тенденциям естествознания. Более того, взаимодействие науки, религии и эзотерических знаний начинает расцениваться в качестве нового «антропокосмического союза» познавательной мысли [1].

Долгое время сознание в силу своей специфики находилось за пределами строгого академического знания. В европейской науке Нового времени утвердилось убеждение, что сознание, будучи идеальной сущностью, не может изучаться строгими научными методами. Исключение составляли философские и психологические методы исследования сознания, которые мало влияли на естествознание и основанные на его достижениях картины мира. Тем не менее существующее положение вещей начали разрушать именно представители естественных наук. Одним из первых новое отношение науки к проблеме сознания сформулировал Н. Бор: будущая физика, полагал он, должна включать в себя сознание. Позже эта мысль более радикально была выражена Р. Пенроузом: «Научное мировоззрение, которое игнорирует проблему сознания, не может претендовать на то, чтобы быть полным» [2]. Таким образом, в контексте современной постнеклассической научной парадигмы сознание приобретает статус физического объекта (объективного или виртуального), потенциально доступного научным исследованиям и имеющего порядок реальности, соизмеримый с реальностью квантовых микрообъектов.

Вместе с тем решение основных вопросов, связанных с проблемой сознания, в современной науке выглядит полифоничным и противоречивым. Начать необходимо с самого понятия «сознание». В научной литературе оно используется в двух основных смыслах: психологическом и философском. Кроме того, в особом контексте понятие «сознание» начинают применять и физики. Философский смысл понятия «сознание», конечно, шире и объемнее, чем психологический и физический. Современные философы, говоря о сознании, как правило, имеют в виду весь внутренний мир человека [3], в то время как в психологии понятие сознания указывает лишь на один из уровней психики. В физических же концепциях сознание все чаще сводится к энергетическим квантовым процессам, что также сужает семантический круг этого понятия.

Во многих философских системах сознание не ограничивается внутренним миром человека и рассматривается в качестве трансперсональной психической реальности. Показательна, в частности, позиция евразийского антропокосмизма (теософия и Живая Этика), в котором

понятие «сознание» приобретает натурфилософскую многомерность и смысловую полисемантическую. Указывая на различные формы проявления психического универсума, оно применяется в качестве специфической характеристики не только одушевленных существ, но и неодушевленных объектов физического мира. Универсальный философский статус термина «сознание» здесь соизмерим со статусом понятий «дух» и «материя».

Общепризнанного определения сознания в науке до сих пор не существует. Предпринимались попытки определить сознание через идеальную деятельность, через субъективную реальность, через функционирование сложноорганизованной материальной системы мозга. Под влиянием достижений естественных наук с конца XX в. стали развиваться новые подходы к определению сущности сознания. Центральное место среди них занимают представления об информационной, голографической или квантово-механической природе психической деятельности и сознания. В целом, все определения сознания в зависимости от решения базовой философской проблемы онтологического статуса сознания сводят к двум основным подходам.

Сторонники первого из них воспринимают сознание в качестве интегрального, словесно оформленного феномена человеческой психики, имеющего общественную природу. Здесь предполагается, что сознание возникает в результате исторической деятельности человека и является свойством высокоорганизованной материи (человеческого мозга) и высшей формой отражения действительности. Эта точка зрения наиболее ярко проявилась в культурно-исторической модели сознания, развивавшейся в русле марксистской философии. Базовые идеи этой модели – материализм, отражение, историзм и общественная сущность сознания.

Приверженцы второго подхода рассматривают сознание как универсальный атрибут природы или некую онтологическую смысловую реальность, которая активно влияет на развитие реальности физической. Иными словами, здесь сознание не связано исключительно с человеческой экзистенцией. Оно выступает изначальным свойством космического бытия, существующим до человека. Подобные представления отразились, в частности, в антропокосмистской (Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих), голографической (Д. Бом, К. Прибрам), семантической (В.В. Налимов) и торсионной (Г.И. Шипов) концепциях сознания.

Особую позицию в рассматриваемом вопросе занимают логические бихевиористы (К. Гемпель, Г. Райл). По их убеждениям, сознание

вообще не имеет никакого онтологического статуса и не может рассматриваться в качестве физического и даже идеального объекта. Они ставят под сомнение необходимость использования понятия «сознание» и пытаются доказать, что любое высказывание о сознании может быть без изменения значения переведено в некоторое высказывание относительно доступного общему наблюдению поведения. Таким образом, здесь сознание есть не более чем физическое поведение (только оно доступно внешнему наблюдателю) человека.

Наиболее радикально логический бихевиоризм выражен у К. Гемпеля. Он полагает, что всю психологию можно свести к физической науке, в чем явно просматривается отрицание специфики психоментальной реальности или даже отрицание этой реальности вообще. Не случайно для Гемпеля проблема соотношения сознания и тела является псевдопроблемой [4]. Отвергает эту проблему и Г. Райл, для которого картезианский дуализм есть «категориальная ошибка». Однако вопрос о дуализме здесь является частным. Райл ставит под сомнение сознание как категорию не только в контексте онтологического дуализма, – он пытается доказать, что, неправильно используя родовые или абстрактные понятия, человек склонен постулировать наличие сущностей, которых на самом деле нет [5]. Подобная точка зрения присутствует также и у нейтрального мониста У. Джеймса. В своей известной статье «Существует ли сознание?» он пишет о понятии сознания как об имени «чего-то не существующего», которому «нет места среди первых принципов» [6].

Бихевиористский подход конституирует совершенно специфическую методологию исследования сознания и редуцирует его к актам физической реальности. Эта точка зрения диаметрально противоположна позиции антропокосмистов, у которых сознание соотносится с различными (в том числе и трансфизическими) онтологическими уровнями природного бытия. Замена философского понятия «сознание» понятием «поведение», с точки зрения Живой Этики, является непродуктивной.

Фундаментальный характер проблемы сознания, очевидно, предполагает системный подход к ее философскому осмыслению. Системность является важнейшей специфической чертой методологии исследования сознания. По всей видимости, все частные подходы (гуманитарный, физический, нейробиологический, психологический, логиколингвистический) окажутся малоэффективными в решении проблемы сознания как целого, т.е. как природного и социального феномена.

Однако системность – это не только интеграция различных подходов и направлений исследования сознания в целостную научно-философскую картину, но и обращение к принципу холизма. Идея холизма применительно к сознанию или психике начинает укрепляться не только среди философов, но и среди естествоиспытателей. В частности, Ст. Гроф на основе обширной программы эмпирических исследований психического мира человека под действием ЛСД (4 тыс. отчетов) пришел к выводам о необходимости холистского подхода к психике и о невозможности ее редукции к чувствам, разуму или сознательному эго [7].

В современных теоретических моделях психика и сознание все чаще рассматриваются как континуальные трансперсональные реальности, изучение которых в русле концепции холизма представляется наиболее перспективным. В пользу таких выводов свидетельствуют также результаты работ исследователей из Принстонского университета Р. Джан и Б. Данн, которые разрабатывают новую теоретическую модель, получившую название «квантовая теория сознания». В рамках этой модели обосновываются отказ от традиционных физических представлений о сознании, базирующихся на идеях локальности и корпускулярности, и переход к представлениям, предполагающим нелокальную природу сознания. Что это означает в общем философском и частном методологическом смыслах? Во-первых, если природа сознания физически нелокальна, то его невозможно отождествлять с корпускулярными структурами мозга ни в пространственном, ни во временном аспекте. Свойства нелокального континуального сознания, по всей видимости, будут кардинально отличаться от свойств сознания, локализованного в пространстве и времени. В таком случае физикалистский подход к осмыслению сущности и механизмов работы сознания (редукция к структурам мозга) терпит полное фиаско. Во-вторых, нелокальность сознания детерминирует качественно иную научную методологию его исследования. Не случайно авторы квантовой модели скептически относятся к возможности объяснить природу сознания с помощью физики и ее методологии.

Под влиянием подобных работ возрастает искушение отказаться от всяких редукций как пережитков старой науки. Однако при изучении отдельных аспектов сознания избежать узкоспециальных подходов и методов, вероятно, окажется невозможным. Так, например, очевидно, что вопрос о материальном субстрате сознания (если он в принципе существует) есть прерогатива физической науки с ее неизменной редукцией

всевозможных физических явлений и процессов к фундаментальным частицам и полям. Вопрос о влиянии сознания как идеального образования на материальное тело находится на стыке психофизиологии и физики. Как говорится, невооруженным глазом видно, что он лежит вне плоскости гуманитарных наук. Вопрос о локализации центров мышления в человеческом мозге, безусловно, относится к компетенции нейрофизиологии и нейропсихологии. Подобных частных аспектов проблемы сознания можно выделить достаточно много, и каждый из них требует специальных методов конкретной научной дисциплины.

В таком случае что же остается философии? Что она может дать частным наукам? В чем состоит ее особая роль в изучении сознания? Да и играет ли она вообще какую-то роль? По нашему глубокому убеждению, роль философии в осмыслении сознания крайне велика, и никакая частная наука не может заменить собой философский дискурс и философский мировоззренческий синтез.

Первая функция философской науки состоит в свободной интеллектуальной эвристике. Выдвижение концептуальных идей и определение магистральных направлений исследования всегда осуществляются в системе тех или иных философских координат – даже в тех случаях, когда частное научное знание лишено соответствующей рефлексии и избегает четкого описания своих исходных идейных аксиом философского порядка. Чем глубже концептуальные идеи, чем точнее определено направление исследований, тем успешнее окажутся усилия естествоиспытателей и гуманитариев в изучении конкретных аспектов сознания.

Вторая функция философской науки состоит в осмыслении гносеологических перспектив и выработке и осмыслении методологии исследования сознания. Можно принять позицию агностиков, и тогда все специальные научные исследования сущности сознания оказываются пустой затеей по причине ее принципиальной непознаваемости. Можно принять позицию диалектических материалистов, и тогда методология специальных научных исследований сознания будет задана двумя философскими тезисами: о физиологической природе сознания (сознание как свойство мозга) и о его социальной сущности (сознание как продукт социокультурных отношений). Можно принять тезисы антропокосмического гнозиса о сознании как модусе природной субстанции и о его многомерных онтологических экзистенциях, и тогда всякие физиологические и социальные интерпретации сознания теряют свое теоретическое значение. Таким образом, философия задает гносео-

логические и методологические альтернативы изучения сознания, от интуитивного или рационального выбора которых зависит когнитивный успех науки.

И наконец, третья функция философской науки в осмыслении сознания состоит в системном обобщении достижений частных наук и построении целостной картины сознания как одного из важнейших аспектов природного бытия и человеческого существования. Сомнительно, что такое обобщение может быть выполнено квантовой физикой, нейропсихологией или другой частной научной дисциплиной. Всякое фундаментальное обобщение предполагает синтез и требует специального понятийного аппарата определенной меры абстрактности. Таким образом, попытка синтетического абстрактного обобщения знания, полученного в любой области природы, выводит на философский уровень мышления.

Бихевиористская попытка подмены абстрактных философских понятий терминологией частных наук («поведение» вместо «сознания») может расцениваться как подрыв мировоззренческого статуса и специфики философского знания. На самом деле не только философия, но даже естественные науки не могут и не должны отказываться от специальных теоретических понятий-конструктов, предполагающих изрядную долю абстрактности и условности. Например, в физике «виртуальные частицы», «потенциальная энергия», «абсолютно твердое тело» суть далеко не бесполезные теоретические абстракции. С продвижением физической науки в глубины материи их количество только возрастает. Это свидетельствует о том, что абстрактная терминология является неотъемлемым элементом современной методологии науки.

Таким образом, позитивистские попытки отстранения философии от изучения сознания не имеют под собой серьезных оснований. Методологическое противопоставление философского знания и частных наук является контрпродуктивным. Сейчас в осмыслении феномена сознания необходимо действовать прямо противоположным методом, предполагающим когнитивное дополнение и корреляцию достижений теоретической философии и точного научного знания. Если теоретические постулаты философской доктрины в вопросах сознания справедливы, они не могут противоречить достижениям современных естественных и гуманитарных наук.

Итак, методологический прием редукции при исследовании сознания в контексте частных наук можно считать в определенной мере

допустимым. Но как быть с редукцией философской? И что такое философская редукция применительно к проблеме сознания? В широком смысле это сведение сущности сознания, природы психической реальности или субъективных ментальных процессов к совершенно иным объективным сущностям и процессам, – например, к физиологии мозга, электромагнитным процессам в нейронах, квантовым взаимодействиям и т.д. Здесь редукция сознания во многом похожа на бихевиористскую и выглядит как подмена философского понятия сознания понятиями конкретно-научными. Хотя отказ от понятия «сознание» в подобных подходах встречается только как исключение. Теоретический анализ таких подмен проводился Д.В. Винником [8], который выделил две основные разновидности философского редукционизма сознания: позитивный редукционизм (физикализм и ментализм) и негативный редукционизм (логический бихевиоризм и функционализм).

Каково положение новой антропокосмической парадигмы среди указанных философских редукций? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть немного подробнее сущность каждого подхода. В рамках позитивного редукционизма сознание сводится к некоторым вещам или первоэлементам. У физикалистов это структуры человеческого мозга, взаимодействием элементов которого они пытаются объяснять сущность, природу и механизмы деятельности сознания. Физикализм, активно развивавшийся в Новое время, не сошел с научной арены и занимал довольно прочные позиции вплоть до конца XX в. Современный тезис физикализма в середине прошлого столетия были четко сформулирован английским философом и психологом Ю. Плейсом: «сознание есть процесс в мозге» или «сознание есть события, которые происходят в мозге» [9].

Однако этот подход ни в советской, ни в западной науке XX в. не дал существенных научных результатов. Во-первых, с философской точки зрения все разновидности теории тождества сознания и мозга отвергают качественную специфику ментальных процессов и психической реальности. Во-вторых, данный подход фактически завел в тупик нейробиологическую науку, в рамках которой так и не удалось дать качественное объяснение процесса мышления. Более того, до сих пор не решена главная проблема нейрофизиологии и нейропсихологии – т.е. проблема локализации центров мышления и памяти в мозге человека. Анализ работ современных российских и зарубежных авторов показывает, что выход из этого тупика связывается с информа-

ционно-полевыми и голографическими моделями объяснения природы и механизмов деятельности сознания [10].

У менталистов сознание трактуется как нефизическая, или имматериальная структура, основанная на нефизических принципах и процессах (У. Уайтхед). Подчеркивая онтологическую специфику ментально-психического, менталисты сталкиваются с трудностью объяснения механизмов взаимодействия нефизического сознания и физического тела. По всей видимости, преодолеть эту трудность возможно через включение сознания в физическую реальность, что вовсе не означает его обязательную редукцию к нейрофизиологии мозга. По этому пути развиваются новые концепции физики и психофизики сознания (Д. Бом, Р. Джан, Б. Данн, С. Хамерофф, Р. Пенроуз).

В рамках негативного редукционизма сознание лишается онтологических оснований и понимается как совокупности свойств и отношений. У логических бихевиористов, как было отмечено выше, отвергается и физическая, и идеальная сущность сознания. А само оно сводится к неким внешне наблюдаемым актам поведения, умениям и поступкам, к которым относятся восприятие, желания, знания, верования и т.д. (К. Гемпель, Г. Райл). Очевидно, что западная аналитическая философия в свойственной ей манере изящно уходит от решения проблемы сущности и механизмов деятельности сознания и подменяет философию объективной и психической реальности философией языка.

У функционалистов сознание рассматривается как совокупность функциональных отношений, которые могут быть реализованы на различных физических носителях (Х. Патнэм, Д. Льюис). Существенную ценность в функционализме представляет идея об автономности ментальных явлений. В философии антропокосмизма эта идея выражается более радикально и последовательно: во-первых, через учение о множестве состояний сознания, существующих в различных онтологических сферах космоса; во-вторых, через учение о физической природе ментальных явлений.

Функционализм философски совместим как с материалистической, так и с идеалистической онтологией, что повышает степень его теоретической применимости. Сейчас все больший вес приобретает информационный функционализм, привлекающий для объяснения сознания различные компьютерные аналогии. Это, например, теоретическая модель Шипова – Акимова, в которой сознание человека и сверхсознание Вселенной имеют особую полевою (торсионную)

природу. При этом Вселенная рассматривается как торсионный суперкомпьютер, в котором сознание отдельного человека является торсионным микромодулем [11].

Сближение позитивной и негативной редукций сознания, по мнению Д.В. Винника, наметилось у Э. Гуссерля в концепции трансцендентальной феноменологии. Следуя идеям Ф. Brentano, Гуссерль утверждает, что сознание нельзя назвать ни реальным, ни нереальным. Оно является ирреальным образованием, т.е. существует качественно иначе, чем все известные физические объекты и процессы. Эта мысль нам представляется крайне важной. Подобные убеждения в качественной специфике сознания во многом созвучны позиции антропокосмистов (К. Хуми и др.), которые еще в XIX в. пытались преодолеть крайности философского редукционизма сознания. Мы полагаем, что антропокосмистское понимание сознания опирается на универсальный монизм и находится на стыке ментализма, функционализма и трансцендентальной феноменологии.

Весьма важным аспектом методологии исследования сознания является проблема языка. По большому счету, эта проблема не ограничивается сферой философии сознания и уже давно актуальна для всей современной науки. Однако в философских, психологических и естественно-научных исследованиях сознания она приобретает особое значение. Ведь сознание отличается от иных объектов науки крайне сложной субъектно-объектной природой. Насколько применим традиционный язык науки к описанию природы сознания, или ментального мира, как особой нефизической реальности? Общепринятого решения этой проблемы ни в отечественной, ни в зарубежной науке до сих пор не существует. Дdiamетрально противоположные позиции занимают два концептуальных теоретических подхода.

Первый из этих подходов предполагает строгость научной терминологии и освобождение ее от всего метафизического, логически и эмпирически необоснованного. Он восходит к воззрениям позитивистов XIX в. и в настоящее время развивается в рамках аналитической философии. Второй подход предполагает свободу научного дискурса от жестких терминологических тисков рационального языка (К. Юнг, Б. Грин, М. Талбот и др.). Таким образом, проблеме языка можно предельно кратко переформулировать следующим образом: Термин или Метафора? Если во времена классической науки эта проблема всегда решалась в пользу рационального языка, т.е. Термина, то в XX в. такой

однозначности уже не наблюдалось. Метафора, занимавшая центральное место в религиозных и метафизических текстах, стала вторгаться в сферу научного знания.

Одним из первых недоверие к строгой научной терминологии выразил К. Юнг. Сознание, полагал он, невозможно анализировать строгими научными методами и средствами. Оно не поддается рациональному определению. Следовательно, нужно уходить от определений и описывать сознание с помощью образных картин и метафор. Безусловно, позиция Юнга отличается немалым радикализмом. Но он совершенно справедливо подчеркивает качественную специфику сознания как особой психической реальности, которая с трудом поддается традиционным подходам и методам исследования. Подобные убеждения уже в XIX столетии породили феноменологическую методологию исследования сознания как крайнюю разновидность эмпиризма. Феноменология стремилась не к традиционному теоретизированию, но к непосредственному наблюдению и описанию содержания элементов опыта в том виде, как он является сознанию (Ф. Brentano, Э. Гуссерль) [12].

XX век показал, что Юнг во многом был прав. Символизация и метафоризация языка стали общими тенденциями постклассической науки. Естествознание подошло к таким предельным вопросам и глубинным процессам, описание которых выходит за границы традиционных человеческих понятий и даже научных неологизмов. Более того, теоретическое описание этих процессов вообще не укладывается в рамки так называемого здравого смысла и всего исторического опыта человечества. Вот почему физика как эталонный образец научной строгости начинает применять квазиметафизическую терминологию, в которой наглядный чувственный образ-символ идет в тесной связке с рациональным термином («электронные облака», «цветность» кварков, теория «суперструн», «расширяющаяся» или «раздувающаяся» Вселенная и др.).

Физики понимают, что «цвет» кварка – это вовсе не цвет в бытовом смысле, но абстрактная характеристика конкретной разновидности квантового микрообъекта. Так же и «расширение» Вселенной есть крайне условное, конвенциональное по своей научной семантике понятие. Ведь такое «расширение» нельзя воспринимать буквально, в традиционном физическом смысле. Очевидно, что любое из этих и многих других физических понятий с точки зрения строгого логического позитивизма не

имеет научного смысла. Тем не менее физика успешно развивается, и теоретиков мало смущает такая метафоризация научного языка.

Проблему языка естествоиспытатели почувствовали еще в XX столетии. Показательно выглядит позиция одного из основоположников квантовой механики В. Гейзенберга: «Мы не можем говорить о структуре атомов на обычном языке» [13]. На каком же языке мы должны говорить о структуре атомов и природной реальности вообще? Подобные проблемы приводят некоторых теоретиков к выводам о том, что окончательная сущность реальности вообще выходит за пределы языка (М. Талбот). Поэтому теоретический аппарат, например, квантовой механики может применяться для объяснения сознания лишь в качестве комплекса метафор (Р. Джан, Б. Данн).

Таким образом, логика развития науки все настойчивее заставляет нас согласиться с парадоксальным утверждением: человеческий язык не слишком приспособлен к описанию ноуменальных явлений и процессов природы. Чем дальше научная мысль погружается в глубины бытия, тем выше становится символизм научного дискурса. Как отмечает Л.В. Суркова, высший предел науки как теории – это существование теории на грани метафоры [14]. Здесь начинается невероятная, пока мало отрефлексированная трансформация науки, которая все чаще говорит с человеком языком нового мистического знания. Ведь мистический дискурс всегда отличался высоким символизмом и метафоричностью. И причина этой особенности состояла не столько в неразвитости рациональной понятийной базы древних мистических доктрин, сколько в принципиальной невозможности передать знание о скрытой реальности вне символизма. Глубинные уровни бытия не поддаются строгой понятийной формализации в стиле рацио. Там, где она применяется, появляется высокая степень условности понятийного аппарата. В подобных случаях требуются иные семантические инструменты, включающие ресурсы образного мышления, аналогии и интуиции. Такими инструментами являются Символ и Метафора. Примечательно, что математические символы уже давно завоевали себе право именоваться языком естественных наук. Как тут не вспомнить Пифагора: Число (т.е. математический Символ) есть начало всего!

В таком случае квантовая механика – это осиновый кол в сердце логического позитивизма, возжелавшего провести строгую ревизию философского языка на предмет его метафизических элементов. В действительности семантические люфты и слои метафизических понятий

оказываются вовсе не слабым местом, а преимуществом философского дискурса. Объясняется это просто: реальность природного бытия, в том числе реальность сознания, намного сложнее, многомернее и противоречивее формального языка науки. Этот рацио-язык должен постоянно развиваться и усложняться, чтобы не отстать от полета познающей мысли и быть способным выразить ее когнитивные достижения. Но сможет ли он ей соответствовать по самой своей сути? Язык Символов (философских, математических, мистических, художественных) во многих случаях будет более эффективен, чем формально-понятийный рациональный дискурс классического образца.

Сближение научного и ненаучного знания предстает в качестве существенной черты постклассической эпохи. Не случайно все больше авторов отмечают явные корреляции между восточной мистической метафизикой и современным естествознанием (Ф. Капра, М. Талбот, К. Уилбер, В.С. Поликарпов, В.Л. Лесков). Одной из общих черт естествознания и восточной метафизики как раз и является стремление выйти за границы привычных форм языка. Магистральная же теоретическая стратегия аналитической философии ведет к закреплению существующих лингвистических конструкций. Она препятствует диалектическому скачку мысли в транслингвистическое пространство, т.е. в ноуменальные сферы реальности, лежащие вне пределов доступности обыденного человеческого опыта, а значит, и традиционных форм языка.

Точка зрения К. Юнга содержит определенное зерно истины. Тем не менее не следует торопиться с выводами об абсолютном недоверии к научным методам изучения сознания. Проблемы научной методологии и научного языка имеют не абсолютный, но относительный характер. Поэтому вопрос должен быть сформулирован так: каким образом надо усовершенствовать методологию научного исследования сознания, чтобы это исследование было успешным? Очевидно, что здесь требуется как минимум трансформация научного языка в сторону снижения его рациональной формализации и повышения символизма.

Кроме того, изучение сознания должно предполагать активность самого объекта исследования. Ведь внешнее описание сознания возможно лишь до известного предела, т.е. до границы физического и психического бытия. На ней останавливаются логические бихевиористы. Но такая исследовательская стратегия малоперспективна с самого своего рождения. Безусловно, сознание приводит к изменениям внешнего поведения, которое может быть маркером его состояний. Но далеко не

всегда волны океана сознания вырываются за пределы субъективности в физическое бытие и могут явиться предметом внешнего поведенческого описания. Сознание должно участвовать в исследовании сознания в его скрытой, т.е. не выявленной в объективное существование, форме. Более того, психическая реальность по самой своей субъективной природе не может быть сущностно исследована ничем иным, кроме орудия под названием «сознание». Такая методология традиционно использовалась в восточных духовных практиках (йога, буддизм) и давала весьма продуктивные результаты, которые академической наукой только начинают осмысливаться.

К. Гемпель был убежден, что психологию можно выразить через физику. Но сторонники квантовой модели сознания совершенно справедливо отмечают принципиальную недостаточность физической науки для понимания природы сознания. И в этом они вовсе не одиноки. Например, в вероятностной модели бессознательного (В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина) сознание человека рассматривается как погруженное в «семантическую реальность», не охватываемую естествознанием [15]. Изучение этой реальности есть прерогатива психологии как науки об особом психическом пространстве бытия.

В философской традиции антропокосмизма идея «семантической реальности» выражена метафорами «Тонкий Мир» и «Огненный Мир», которые характеризуют психический пространственно-временной континуум особой онтологии. По всей видимости, познание его закономерностей потребует переосмысления традиционной научной методологии и будет предполагать не только физические методы исследования. Мы думаем, что здесь нужно уходить от крайностей (физика или психология) и искать решение важнейших проблем сознания в сфере пересечения физики и психологии на прочном онтологическом основании философской доктрины.

Примечания

1. См.: Карпенко Ю.П. О некоторых интерсубъективных аспектах религиозного опыта // *Этика и наука будущего: Жизнь во Вселенной: Мат. VI междисциплинарной науч. конф.* – М.: Дельфис, 2006. – С. 20–27.
2. Penrose R. *Shadows of the mind: Search of missing science of consciousness.* – Oxford, 1994. – P. 257.
3. См.: Моторина Л.Е. *Философская антропология.* – М.: Высшая школа, 2003. – С. 180.

4. См.: *Прист С.* Теории сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги; Идея-Пресс, 2000. – С. 68–69.
5. См.: *Райл Г.* Понятие сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000.
6. См.: *James W.* Does «Consciousness» exist? // *Essays in Radical Empiricism* / Ed. by R.V. Rorty. – N.Y.: Dutton and Co., 4.
7. См.: *Поликарпов В.С.* Наука и мистицизм в XX веке. – М.: Мысль, 1990. – С. 87.
8. См.: *Винник Д.В.* Сознание как проблема в современной философии и науке // *Философия науки.* – 2002. – № 4 (15).
9. Цит. по: *Прист С.* Теории сознания. – С. 136–137.
10. См.: *Бобров А.В.* Полевая концепция механизма сознания // *Сознание и физическая реальность.* – 1999. – Т. 4. – № 3.
11. См.: *Акимов А.Е., Карпенко Ю.П.* Место сознания в системе современного научного знания // *Акимов А.Е. Живая Этика, наука, общество: Сб. / Сост. В.Г. Акимова.* – Пенза, 2000. – С. 63–83.
12. См.: *Прист С.* Теории сознания. – С. 230–232.
13. Цит. по: *Talbot M.* *Mysticism and the new physics.* – L., 1981. – P. 179–181.
14. См.: *Суркова Л.В.* Сознание в квантовом мире: новый диалог философии и науки // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия.* – 2007. – № 6. – С. 57.
15. См.: *Налимов В.В., Дрогалкина Ж.А.* Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // *Психологический журнал.* – 1984. – Т. 5. – № 6. – С. 111–122.

Аблеев С.Р.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Тульский филиал Московского университета
МВД России, г. Тула,
Контактный телефон: (4872) 31-21-08,
36-72-92,
Факс: (4872) 31-11-14,
E-mail: asks@tula.net

Ableyev, S.R. Philosophic method and scientific language problem in research of consciousness

The paper considers some urgent aspects of modern philosophy of consciousness. The problem of scientific methodology in study of consciousness is discussed. A special attention is paid to philosophic semantics of the term “consciousness”, philosophic reduction, as well as applicability of rational terminology and metaphoric language in research of consciousness. Various theoretical approaches to conception of consciousness are analyzed, so the conclusion is made that classic reductionism is groundless.

Keywords: consciousness, method, language